

звезды новой
фантастики

Угли войны

Арсенал ножей

ГАРЕТ Л.
ПАУЭЛЛ

АРСЕНАЛ НОЖЕЙ

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445
П 21

Gareth L. Powell
FLEET OF KNIVES
Copyright © 2019 by Gareth L. Powell
This edition published by arrangement with Conville & Walsh UK
and Synopsis Literary Agency
All rights reserved

Перевод с английского Галины Соловьевой

Серийное оформление Виктории Манацковой

Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-18516-6

© Г. В. Соловьева, перевод, 2020
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Эдит и Винтер

Здесь танца нет, здесь только танец¹.

Т. С. Элиот

¹ Из поэмы «Бёрнт Нортон», цикл «Четыре квартета».

Пролог
САЛ КОНСТАНЦ

— Я почти добралась.

Мое восхождение на вершину началось еще в предутренней мгле. Тонкие пальцы ветров пустынного Высокогорья норовили сорвать с меня накидку. Спасаясь от вихрей песка и пепла, я обмотала рот и нос шарфом, а для защиты глаз от слепящего света надела темные очки.

— Знаю, — прозвучал через имплантат в правом ухе голос «Злой Собаки». — Отслеживаю твою позицию и жизненные показания.

В ее тоне я расслышала нетерпеливые нотки, но ответить не хватило дыхания. Храмы Высокогорья стояли на внушительной столовой горе, возвышавшейся над засушливой равниной, и единственная дорога к ним вела по высеченным в ржавой скале ступеням.

— А все-таки, мне кажется, быстрее было бы высадить тебя прямо на плато, — добавила «Собака».

— Ха! Запрещено, ты же в курсе.

За тысячелетия суховей, песок и бесчисленное множество ног — не только человеческих — отполировали каменную лестницу. У меня от подъема уже горели мышцы и легкие.

Между двумя трудными вдохами я выговорила:

— Кроме того, тогда весь смысл пропадает. Восхождение по склону усиливает переживание.

Путь занял три часа. Накануне я заночевала в палатке у подножия и вышла в зябких предрассветных сумерках, чтобы достичь вершины, пока полуденный зной не добавил мне жару.

— Тебе виднее, — буркнул корабль.

Среди известных людям памятников иных цивилизаций храмы Высокогорья были одними из старейших и считались бесценным духовным и археологическим сокровищем. Но я так высоко лезла не только затем, чтобы полюбоваться на стены из выщербленного песчаника.

Я отстегнула и сбросила рюкзак. Рядом с этими допотопными руинами собственные проблемы представлялись мне мелкими и преходящими, а волнения — напрасными и пустыми. Присев на корточки возле рюкзака, я достала из бокового кармашка черную розу на длинном стебле. Шелковистые лепестки затрепетали на ветру.

— Еще пара шагов налево, — подсказала «Злая Собака».

Она сейчас бездельничала на парковочной орбите в сорока тысячах километров над пустыней, но ее датчики позволяли разглядеть и разметить поверхность с микронным разрешением.

Я чуть сдвинулась в сторону.

— Здесь? — И посмотрела под ноги.

Пятнадцать лет назад, когда война Архипелаго только разгоралась, на этом месте при защите спуска по огромной каменной лестнице была убита сержант-канонир Грета Новак. Тактические компьютеры, мониторинговые ход боя, сохранили ее точную позицию

в момент смерти. Но полтора десятилетия спустя не осталось никаких примет, ни пятнышка на голых, выскобленных ветром камнях.

— Ты уверена? — усомнилась я.

— Уверена.

— Хорошо.

Я достала из кармана портрет Джорджа Уокера, бывшего медика «Злой Собаки». Он погиб при попытке спасти экипаж сбитого корабля-разведчика. В тот раз я пренебрегла оценкой опасности местной фауны, а он заплатил за мою оплошность жизнью.

Рукавом я стерла со стекла пылинки и следы прикосновений. Старинная рамка из литого серебра казалась достаточно тяжелой, чтобы ее не сдуло высотными вихрями. Фотография была сделана в лазарете «Злой Собаки» во время войны Архипелаго — до того, как корабль подал в отставку и присягнул Дому Возврата. Джордж в ярко-оранжевом комбинезоне военного медика выглядел на снимке моложе, чем я его помнила. Волосы еще не совсем поседели, морщины не такие глубокие. Но его улыбку нельзя было не узнать.

Встав на колени, я прислонила фото к обветшалой красной каменной стене под таким углом, чтобы первые солнечные лучи каждое утро освещали это лицо. Кончиком пальца провела по портрету вдоль линии скулы. Сухой ветер разметал полы моей накидки. На западе еще виднелись три из пяти лун планеты — зависли, как бледные зеваки.

— Прости, Джордж.

Других слов я не нашла. Поднесла розу к закутаным губам и положила у рамки, прижав стебель булыжником размером с кулак.

Грете Новак мне сказать было нечего. Я ее не знала. Она погибла здесь, и ее найденное, однако не востре-

бованное никем тело было разобрано на органы и стволовые клетки. Осколки порвали ей сердце и легкие, но почки, печень и селезенка спасли жизнь троим ее раненым товарищам. А стволовые клетки были переданы на флотскую фабрику в дюжине световых лет отсюда, и год спустя из них вырастили органические процессоры — мозги — для стаи боевых кораблей класса «хищник», в которую вошли шесть крейсеров: «Злая Собака» и ее родичи.

Роза была благодарностью от «Собаки», как фотография — моим прощанием с Джорджем.

Близился полдень. Я неудобно лежала в тени храмовой стены, подложив руки под голову, на жестких камнях, вычищенных пустынным ветром. Ворочаясь в поисках комфортной позы, я заметила горячее марево над краем плато.

— И что дальше? — скучающим тоном произнесла «Злая Собака». — Спускаться тоже будешь пешком?

— Для начала дождусь прохлады.

— Ну и сколько ее ждать?

— Пару часов.

— Ты точно не хочешь, чтобы я тебя подобрала?

Я улыбнулась под прикрытием шарфа:

— Совершенно точно, спасибо.

Обе мы знали, что руины находятся в центре невидимого купола запретной для полетов зоны. Да и, сказать по правде, я радовалась одиночеству. После событий в Галерее нас на некоторое время отстранили от работы. Вот и это путешествие было задумано как эмоциональная разгрузка.

После боя нас загнали в карантин, пока врачи не признали, что мы не стали нечаянно носителями инопланетной заразы. Даже «Собаке» провели профилак-

тику, что называется, «с носа до кормы». Убедившись, что мы не опасны с точки зрения медицины, старейшины Дома устроили нам подробный допрос. Наши показания и сделанные кораблем записи событий проце-дили мелким ситом: начиная с сигнала бедствия, по-сланного с лайнера «Хейст ван Амстердам», до явления миллионной Мраморной армады и моих действий, приведших к роковому убийству адмирала флота Конгломерата прямо в рубке его корабля.

На протяжении всей своей истории Дом Возврата был вне политики, занимаясь исключительно сохранением жизни и помощью терпящим бедствие космическим скитальцам. Неудивительно, что старейшины Дома не пришли в восторг, поневоле оказавшись в средоточии величайшей после войны Архипелага военной и политической передраги.

Нас неделя за неделей подвергали перекрестному допросу, физическому обследованию и всевозможным анализам. «Злая Собака» вернулась из того дальнего мавзолея во главе чужого флота, превосходящего даже объединенные силы человеческой Общности. На старейшин давили со всех сторон, требуя выяснить, каково влияние «Собаки» и ее команды на маневры и намерения армады.

Мы как могли ответили на все вопросы. И когда «Собака» непререкаемо заявила, что уходит, у Дома Возврата хватило благоразумия с ней не спорить. Тяжелые крейсера класса «хищник» — строптивные зверюги, а эту конкретно недавно предал брат, и она вынуждена была его убить.

Легко забывается, что в сердцевине корабля таится человеческий разум. Сто семьдесят два метра в длину, весом десять тысяч тонн — они грозные боевые орудия. Но за ракетными установками, торпедными аппа-

ратами и гроздьями датчиков понемногу набирала силу способность к человеческим переживаниям. Да, три четверти мыслительных операций производилось искусственными процессорами, однако кремний уже не в состоянии был сдержать бушующее в клонированной коре мозга горе и чувство вины.

Она убила брата. Да, при самозащите, но от этого не становилось легче.

А мне? Я отдала приказ убить человека. Да, спасая его команду от безнадежной войны, но все равно я ощущала себя палачом.

Нам обеим нужно было время примириться с тем, что мы сделали, и еще — сказать «прощай» погибшим товарищам.

Старейшины Дома скрепя сердце предоставили нам оплачиваемый отпуск. По чести сказать, мы его заслужили.

Я лежала в тени развалин, смотрела в небо и думала о Джордже, о войне, о тех, кого мы потеряли. И о том, что внутри себя мы изъязвлены накопленной в жизни болью, как астероид — щербинами и бороздами от хлестких ударов ледяных потоков межзвездной пыли.

Что такое честь?

Командуя в годы войны медицинским фрегатом, я много говорила с ранеными солдатами — мужчинами и женщинами. Иногда со смертельно ранеными. Ослепшие, скрипящие зубами от боли, они сжимали мою руку и спрашивали, верю ли я, что они не посрамили своей чести. Для них честь равнялась отваге: почетное ранение означало, что они без страха встретили врага, что были не просто пушечным мясом, а вели себя так, чтобы их родные могли утешиться их подвигом,

сознанием, что эти люди оказались достойны ценностей, за которые воевали.

А для меня честь всегда означала другое. Более высокое и более личное. Моя прапрабабка вписала это определение в основополагающие документы Дома Возврата: «Отвага состоит в том, чтобы заставить себя простить, даже когда каждый нерв вашего тела вопиет о мести».

Для меня честь — в такой отваге, в волевом решении поступать правильно, пусть и вопреки собственным интересам. А по таким понятиям командование Конгломерата в битве Пелапатарна обесчестило себя. Встав перед выбором: поражение или уничтожение древнего уникального мира с миллионами разумных деревьев, — они предпочли второе. Выбрали зло, потому что оно отвечало их насущной нужде. Те деревья выросли и умирали в течение немыслимых тысячелетий, и продолжительность жизни каждого была длиннее срока многих земных цивилизаций. Их убийство стало святотатством. Геноцидом ошеломляющей близорукости. На мой взгляд, позор разделяли все: от отдавших приказ генералов до командующего флотом Конгломерата, который, в свою очередь, передал распоряжение капитанам, превратившимся в палачей. Я винила всю иерархическую цепочку: от капитана Аннелиды Дил до отдельных неназванных кораблей в ее ударной группировке. Будь у них крупница чести, они бы свою жизнь положили, чтобы не принять участия в непростительном варварстве.

Когда совершилось это преступление, я находилась в системе, но мой фрегат получил приказ оставаться на позиции вместе с другими судами поддержки — на орбите вокруг большей из двух пелапатарнских лун. Нам оставалось только ужасаться, глядя на возникшие виды

горящей планеты и тотальную, неимоверного масштаба смерть.

Я поступила во флот Внешних после гибели родителей. Поступила, желая выйти из тени семьи, особенно прапрабабки. Но уничтожение Пеллапатарна изобличало тиранию, а я не могла служить организации, посвятившей себя насилию, — каким бы оправданным или неоправданным, каким бы «благородным» оно ни было. Я ушла в отставку. Сдала медицинский фрегат помощнику и подала заявку в Дом Возврата.

Вставая под их шестнадцатиконечную желтую звезду, под девиз «Жизнь превыше всего», я не сомневалась, что проведу остаток дней с настоящей честью — той честью, что идет от сочувствия и прощения, а не от расчетливой жестокости.

Я пробудилась через два часа, вся разбитая после долгого лежания на жестком, и удивилась, что проспала так долго. Видно, подъем на обрыв дался мне трудней, чем казалось.

— Приветствую. — Голос «Злой Собаки» неожиданно наполнил меня ощущением заброшенности.

Зачем я здесь, на голых камнях, в сотне световых лет от родины? В сотне световых лет от могил родителей и бог знает насколько дальше от замороженного тела единственного любимого мужчины.

— Как спалось? — спросила «Собака».

Протерев глаза, я приподнялась на локтях. Ветер был теплым, но уже не обжигал дыханием печки, как в полдень.

— Как нельзя было и ожидать, — ответила я, садясь; в пояснице что-то хрустнуло, и я сдержала стон. — Ты почему меня не разбудила?

— Подумала, ты не прочь отдохнуть.

Я заморгала от удивления:

— Необычная для тебя забота. Знай я тебя не так хорошо, сказала бы, что ты взрослеешь.

Собрав вещи, я направилась обратно к лестнице. На подходе к ней увидела кучку туристов, выезжающих на край плато на ослах. Они поднимались в самый зной и все раскраснелись, пыхтели под своими широкополыми шляпами. Заметив меня, заулыбались с братским чувством альпинистов, повстречавшихся на горной вершине. Пока они слезали с седел, мы обменялись вежливыми замечаниями о жаре, крутизне подъема и отсутствии перил в опасных местах.

— Вы из Дома Возврата? — спросил один мужчина.

У него были густые усы, и держался он как военный. Я оглядела свое просторное одеяние, гадая, как он узнал. Потом вспомнила о застежке накидки: с рельефной шестнадцатиконечной звездой Дома на бронзовом поле — и потеряла ее пальцем.

— Да.

— Мы видели на орбите ваш крейсер. — Он указал в непрозрачное небо пустыни, и я едва утерпела, чтобы не взглянуть туда же.

— Верно, — признала я, — она со мной.

Мужчина кивнул, вероятно понимая сложность отношений с грозным боевым кораблем, который я звала и сестрой, и домом.

— Она ведь из «хищников»?

— Списана.

— Я так и подумал. — Он постучал себя пальцем по выпуклой груди. — Восемнадцать лет во флоте Конгломерата. Боевые действия в системе Шарлотты.

Усатый так явно гордился, так был доволен собой, что я не смолчала:

— А мне выпало побывать у Пеллапатарна.

Он сразу сдулся.

— Сражались у Пелапатарна?

— Командовала медицинским фрегатом.

— Правда? — Он подался ко мне, не скрывая восхищения. — Действительно было так страшно, как рассказывают? Я имею в виду сражение.

— Хуже.

Вдаваться в подробности у меня не было сил. Есть вещи, которые не передать словами. Разгром сил внешних при Пелапатарне был невыразимым зверством. К счастью, мужчина вроде бы и так понял. Мы оба устали в пыль под ногами, вернувшись на время каждый в свою память о войне.

Остальные туристы уже шли к руинам храма. Усач выдавил улыбку.

— Приятно было познакомиться, капитан. — Он отдал мне честь. — И рад видеть, что еще остались корабли с человеческим экипажем.

Я в легком смятении ответила на салют. Мне уже не терпелось начать спуск. Я вся была липкой, не помещало бы принять душ и выпить чего-нибудь холодного. Но последние слова собеседника меня озадачили.

— С человеческим экипажем? — переспросила я, ведь такой был на всех кораблях, кроме только... — Вы о Мраморной армаде?

Его улыбка стала недоброй. Он отхаркнул и сплюнул в пыль.

— Проклятый флот вторжения, я вам скажу.

— Разве?

Мужчина явно не имел представления о моей роли в пробуждении армады из тысячелетней спячки.

— Они до сих пор не проявляли никакой враждебности, — заметила я.

Насколько мне было известно, армада разместилась на краю системы Камроз и сейчас обсуждала со старейшинами Дома средства к наилучшему исполнению своей миссии — предотвращению любых конфликтов масштаба войны Архипелага. Я так и пояснила, но умиротворить моего нового знакомого оказалось непросто.

— А что мы о них знаем, — пыхтя и потея, твердил он, — кроме того, что они пережили расу своих создателей, а теперь явились к нам с предложением помощи?

Конгломерат всегда был замкнут и с подозрением относился к иным видам. Меня, бывшую внешницу, эти их взгляды в глубине души откровенно раздражали.

— Они не проявляют враждебности, — повторила я. Усач покачал головой, дивясь моей наивности, и ткнул себя пальцем в грудь:

— Ну, лично я им не доверяю. И вам не советую.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДУША ЛЮСИ

Способность вселенной очаровывать
и устрашать не знает предела.

София Никитас

Глава 1
ДЖОННИ ШУЛЬЦ

Атака застала нас в высших измерениях — застала врасплох. Я допоздна засиделся за картами с Сантосом и Келли и как раз возвращался из кают-компания в рубку, тараша мутные от недосыпа глаза, когда «Душа Люси» завалилась набок и здорово шмякнула меня о переборку.

Я приземлился на спину под трапом. Ушиб левое плечо и ободрал правое бедро. Старинную кожаную куртку пилота, которую нес в руке, выронил от удара о стену и еще как-то умудрился рассадить себе лоб. Потрогал — пальцы стали липкими и красными.

— Эй, — гаркнул я в сторону кают-компания, — это что сейчас было?

Мерцала, пытаюсь вернуться к предписанному уровню, гравитация — компенсировать такой дикий маневр ей не удалось.

В люке надо мной появилось лицо Вито Аккарди.

— Нас что-то стукнуло, шеф.

Зажимая одной рукой ссадину на лбу, я подобрал куртку и встал на ноги.

— Да ну, кроме шуток? — спросил я, взявшись за стену; гравитация шалила, а мне не хотелось постра-

дать от нового удара. — И как же это? Нас что, обстреляли?

Вито, глянув на меня круглыми глазами, покачал головой:

— Не знаю. Но ты бы поднялся сюда.

«Душа Люси» — торговое судно средней величины, рассчитанное, согласно лицензии, на доставку ста шестидесяти тонн груза к мирам Общности. В длину триста метров, поперек — сто пятьдесят. В профиль корабль похож на крепкое, солидное трехгранное зубило: нос тупой, на корме обрубки дюз. Он в свое время сменил много хозяев и исходил Общность из конца в конец, от самой Земли до Звездного Обода и Хвоста. В сечении судно треугольное, с закругленными углами, разделено на три уровня. Большую часть нижней палубы занимает груз, а остатки этого отсека отданы запасам горючего и двигателям. На средней палубе обитает команда, тут же каюты для пассажиров, тесный камбуз, ремонтные мастерские и склад оборудования. Маленькая верхняя палуба почти целиком отведена под рубку, но еще там уместился главный пассажирский шлюз и небольшая комната отдыха с видовым окном, потертыми кожаными креслами и ползучими растениями с бурыми ломкими листьями.

Местные сплетни — я их как мог поддерживал — уверяют, что я семнадцатилетним сопляком, маленькой портовой крысой выиграл этот корабль в карты. Вранье, но на пользу моей репутации.

На самом деле я его купил, добавив к наследству после бездетного дядюшки солидную банковскую закладную, — до сих пор выплачиваю ее помесечно. За десять обычных и тыщонку световых лет я так заигрался

в Счастливики Джонни Шульца, что порой забываю, где правда, а где выдумка.

Я подтянулся по трапу, пролез в люк и оказался в рубке. Главный экран покрыт серым туманом наружного вида. На втором экране, поменьше, выведен компьютерный интерфейс «Люси» — озорная, с блестящими глазами девчонка, волосы цвета звездного света. Я бросил кожанку на спинку капитанского кресла и пристегнулся к нему, прежде вытерев о штанину измазанные кровью пальцы.

— Что нам известно?

— Мало, — ответил Вито. — Корабль ничего не видел.

Я обернулся к «Люси»:

— Ничего?

Девочка на экране поджала виртуальные губки.

— Показания датчиков без изменений, дорогуша.

За все эти годы я так и не привык, что малявка обращается ко мне, как старая бабуля. Но ее аватара была заморожена с момента подключения корабля, а разум, пока она десятилетиями таскала грузы по Общности, не переставал стареть.

— Что, никаких изменений температуры, массы и прочего?

— Обычный гипер, как всегда.

Я осторожно пошевелил онемевшим плечом.

— Вито?

Пилот нахмурился. Он, похоже, был не в себе.

— Нас что-то ударило.

— А ты не видел что?

— Оно заходило не с носа, — ответил Вито; над его губой, как бриллиантики, блестели капельки пота. — И корабль не видел...

— Ты уверен, что это был удар? А не взрывная декомпрессия, к примеру?

Мне пришло в голову, не рвануло ли что внутри, устроив нам пробойну в корпусе.

— Дорогуша, — вмешалась Люси, — все внутренние отсеки показывают нормальное давление. При этом я регистрирую серьезные повреждения обшивки правого борта. То, что нас ударило, определенно появилось извне.

Значит, несчастный случай, неисправность или диверсия исключаются.

Вито нервно утер губы.

— Пираты?

— В гипере? — Я покачал головой. — Не бывает. В гипере чужой корабль не отследишь. К тому же, окажись он здесь, «Люси» бы его увидела.

— Тогда что нас стукнуло? — спросил пилот, и мне показалось, он сейчас сорвется в истерическое хихиканье. — Гиперпространственное чудовище?

— Не дури.

Человеческий мозг запрограммирован эволюцией на высматривание таящихся в зарослях хищников, а столкнувшись с бесконечной пустотой высших измерений, склонен рисовать себе несуществующие картины и угрозы. Те, кто долго всматривается в колыхание здешних туманов, порой видят боковым зрением тени и воображают странных, небывалых зверей, спящих возле корабля, как волки вокруг костра.

Вито нервно хмыкнул:

— А что еще, шеф? Бульжник? Или кто-то выкинул из люка пустую бутылку?

— Это вряд ли.

Чтобы удержаться в гипере, нужны работающие двигатели. Отключи их — и мигом вывалишься в нормаль-

ное обыденное пространство. Так что шанс наткнуться здесь на случайный космический мусор бесконечно мал.

Я вывел на экран показания наружных камер, но и на них увидел только обычную колыхающуюся пустоту.

— У тебя на датчиках ничего? — обратился я к «Люси».

— Ничегошеньки, дорогуша.

— Хм...

Кося одним глазом на наружные экраны, я связался с помещениями команды. Ответила Рили Эддисон. В двадцать пять лет — длинные каштановые волосы и золотая серьга в правой брови — она была судовым суперкарго, заведовала погрузкой и разгрузкой, а также корабельными кладовыми.

— Что там? — спросила она меня.

— На ухаб наехали. — Я заметил, как она хмурится на мой окровавленный лоб. — Там все целы?

— В основном обошлись ссадинами и синяками. — У нее самой на щеке остался красный след от скользящего удара чем-то маленьким и тяжелым вроде летающей кофейной чашки или отвертки. — Только вот Чет в это время был в машинном. Его здорово побило.

— Как он?

— Похоже, поломал пару ребер.

Чет был нашим механиком. Драфф с блестящей чешуей, шесть конечностей, каждая по совместительству еще и лицо.

— Проклятье...

— Есть мысли, чем нам попало?

— Я еще разбираюсь. Эйб подавал голос?

Эйб — это наш кок. Он сейчас должен был готовить обед на камбузе.

— Он опрокинул кастрюлю себе на ногу.

Оглавление

Пролог. Сал Констанц	9
Часть первая. ДУША ЛЮСИ	21
Часть вторая. ОБРАТИ ЛИЦО К ЗВЕЗДАМ	225

Пауэлл Г. Л.

П 21 Арсенал ножей : роман / Гарет Л. Пауэлл ; пер. с англ. Г. Соловьевой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 384 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-18516-6

Мраморная армада, возложив на себя миссию создать условия для мирного существования всех галактик, приступает к активным действиям. Чтобы устранить первопричину военных конфликтов, ей необходимо любыми способами тотально уничтожить вооружение человечества. Руководить операцией призвана поэтесса Она Судак — в прошлом капитан Аннелида Дил, убийца мыслящих джунглей Пелапатарна. «Я прошла через огонь, и он выковал меня крепче и резче прежней. Я стала закаленной сталью, сверкающим клинком с обостренным интеллектом поэта».

В это время из Интрузии — области космоса, где прорвано пространство высших измерений между двумя реальностями, — в мир проникают чудовищные монстры. Смертельная опасность угрожает людям и кораблям со всех сторон. Чтобы выжить, нужно постичь тайну Интрузии...

Вторая книга трилогии, которая началась романом «Угли войны». *Впервые на русском!*

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-445

Литературно-художественное издание

ГАРЕТ Л. ПАУЭЛЛ
АРСЕНАЛ НОЖЕЙ

Ответственный редактор Янина Жухлина
Редактор Татьяна Щигельская
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Марии Антиповой
Корректоры Елена Терскова, Лариса Ершова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.11.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 24. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

И-KNF-27131-01-R